

ИЗОЛЯЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ: ОБЩЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А.Я. Сарна

*Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
alsar.05@mail.ru*

В статье анализируются коммуникативные практики горожан, осуществляемые на городской общественной территории, а также в приватном пространстве жилых помещений в условиях пандемии коронавируса. В них выражено особое отношение к участникам коммуникации и к условиям реализации данных практик, определяющим возможности взаимодействия субъектов в (само)изоляции. Рассматриваются и подвергаются сравнительному анализу различные виды сетевых флешмобов и челленджей, позволяющие обеспечить возможность самовыражения их участникам в условиях дистанцирования и безопасности. Однако некоторые аспекты демонстративного поведения интернет-пользователей в электронных социальных сетях ставят вопрос о стирании границ между приватным и публичным, что приводит к значительным социальным и культурным трансформациям.

Ключевые слова: коммуникативные практики; социальное и физическое дистанцирование; изоляция; сетевой активизм.

ISOLATION AND COMMUNICATION: TALKS IN A PANDEMIC CONDITION

A.J. Sarna

*Belarusian State University
Nezavisimosti Ave. 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus*

The article analyzes the communicative practices of citizens on the public territory of the city, as well as in the private space of residential premises in the context of the coronavirus pandemic. They express a special attitude to the participants in communication and to the conditions for the implementation of these practices, which determine the possibilities of interaction of subjects in (self) isolation. Various types of network flash mobs and challenges are examined and subjected to comparative analysis, allowing to provide the opportunity for their participants to express themselves in the conditions of distance and security. However, some aspects of the demonstrative behavior of Internet users in electronic social networks raise the issue of blurring the boundaries between private and public, which leads to significant social and cultural transformations.

Keywords: communicative practices; social and physical distance; isolation; network activism.

Пандемия коронавируса поставила перед современным обществом ряд серьезных проблем, которые связаны не только с экономическим и политическим кризисами, но и их последствиями – кризисом экзистенциальным, а также ценностным или мировоззренческим, неизбежно

возникающими в результате сложившейся эпидемиологической ситуации, несущей прямую угрозу жизни и здоровью каждого из нас. Для улучшения обстановки с марта 2020 года практически везде были приняты медицинские профилактические меры, когда в целях противодействия распространению инфекции выдвигаются определенные требования ко всем без исключения гражданам. При этом используются различные средства по уменьшению риска заражения в пространстве непосредственного взаимодействия и прямых контактов между людьми. Они позволяют увеличить уровень безопасности в условиях пандемии на основе физического дистанцирования (которое поначалу ошибочно называли социальным), где можно выделить несколько уровней.

Так, на первом уровне применяются средства персональной защиты (специальные маски или респираторы, перчатки, очки, защитный костюм), на втором вводится дистанция удаления между людьми (от 1 до 4 метров), а на третьем – карантин (самоизоляция на дому). При этом нужно понимать, что выполнение требований физического дистанцирования рано или поздно приводит и к социальному расслоению: происходит разделение на определенные группы и отдельных индивидов, а коллективное «массовидное» тело распадается и выявляет новые варианты социальных связей. Например, журналистка «Комсомольской правды» Диана Карпицкая описывает особенности межличностного взаимодействия в сообществе врачей-инфекционистов в условиях пандемии. Она спрашивает у медсестры из московской инфекционной больницы:

«– Появились у вас какие-то свои традиции, приколы, клички?

– Вообще сейчас не до приколов. Совсем. Ну вот некоторые пишут свои имена на спине или на груди «скафандров» маркером. Кто-то и на лбу. Но знаете, что я заметила: стали мы все чаще друг другу в глаза смотреть. Ведь раньше как – человека воспринимаешь по прическе, фигуре, одежде, мимике. А теперь, в этом костюме космонавта, все одинаковые. Ничего, кроме глаз, не видно, хоть и за очками защитными. Я поймала себя на мысли, что никогда раньше так часто не смотрела в глаза, не читала в них эмоции. Это так интересно. Глаза такие говорящие у всех. Умные. Хорошие...» [1, с. 10].

Случай врачей – исключительный и показательный: человек старается изолироваться от прямых внешних воздействий, герметично «упаковавшись» в защитный костюм. Он добровольно стирает свои индивидуальные отличия и становится практически безликим, анонимным – ведь на расстоянии имя на груди не прочесть, а глаза уже не видны. Теперь его не отличить от других, разве что по походке. В таких условиях затруднена личная форма общения при прямом контакте собеседников, которая подразумевает использование устной речи, беспрепятственно сочетающейся с невербальными средствами общения в зависимости от речевой ситуации. Этот тип общения непосредственно связан с жестами, мимикой и позами говорящего, с указанием на окружающие предметы. Устная речь, как правило, предполагает небольшое расстояние между собеседниками, которые видят друг друга, а в их общении участвует вся обстановка; общение реализуется не только их голосами – в нем участвуют их лица, улыбки и телодвижения.

Используемая в повседневной коммуникации устная речь – это живое общение без пространственных и временных преград, для которого характерен точный адрес, простота реализации, диалогичность. Она всегда адресована конкретному собеседнику и дает возможность непосредственно воздействовать на него. Кроме того, достоинством устной речи является

быстрота ее протекания, возможность быстрых реакций в режиме обратной связи. Что касается недостатков устной речи, то можно отметить ее быстротечность и спонтанность протекания: высказанное тут же исчезает, причем даже сам говорящий обычно не может дословно повторить то, что он только что сказал. Из-за этого недостатка устная речь плохо выполняет функции социальной памяти – связь поколений в их исторической преемственности: она зависит от не всегда точной и надежной памяти людей, передающих из поколения в поколение мифы, легенды, предания и фольклорные произведения. Кроме того, устная речь страдает от неустойчивости к помехам: общению в акустической среде может помешать расстояние между говорящими, любой посторонний шум, дефекты индивидуального произношения говорящего, дефекты слуха у человека, воспринимающего речь [2].

Для устранения хотя бы части указанных затруднений предпринимаются попытки уменьшить эффект дистанцирования, слишком большого удаления собеседников друг от друга за счет использования технических средств связи. В разговоре по обычному телефону, в радиопередачах, прослушивании аудиозаписей некоторые качества устной речи утрачиваются, но в телепередачах и видеоматериалах остаются сохранены, чем и объясняется их высокая эффективность. Люди, разговаривая по телефону, улыбаются, жестикулируют, но собеседник этого не видит и лишь улавливает эмоциональные интонации, которые играют особую роль в общении. Они складываются в смысловые конструкции, связанные с понижением и повышением голоса при выражении законченности, перечисления, выделения, вопроса и пр.

Начиная с прошлого века, в связи с распространением телефона как средства аудиальной коммуникации возникла особая поэтика и риторика телефонного разговора. Когда телефон стал массовым явлением, он прагматизировал и сделал актуальными вопросы «кто это говорит?» и «где ты сейчас?». Все эти фразы ранее вообще не употреблялись в речевой деятельности или находились на самой дальней ее периферии. Телефон резко поднял ценность человеческого голоса, аудиализировал культуру в целом, но уменьшил значимость культуры письменной, которая отчасти восстановила свое влияние в электронной модификации при появлении сервисов e-mail и sms. Как считает В. Руднев, важнейшим итогом массового распространения телефонов (особенно мобильных) стало изменение прагматики пространства, которое описывается двумя понятиями: «здесь» и «там». «Телефон нарушил привычные логические связи между ними. Если человек находится в Нью-Йорке, то он очень далеко (“там” по отношению к Москве). Телефонный разговор между Москвой и Нью-Йорком сближает эти пространства, когда “Там” меняется на “там”, как будто люди разговаривают из-за перегородки – не видят друг друга, но слышат голоса» [3, с. 238]. Эта виртуальная перегородка в данном случае используется как фильтр или «мембрана» для выстраивания индивидуального автономного пространства.

Дальнейшее развитие средств связи и распространение информационно-коммуникационных технологий привело к расширению данных фильтров и возможностей самореализации индивидов в публичной сфере при взаимодействии с другими людьми. За счет совершенствования технических характеристик медиа как посредников в различных видах социальных интеракций межличностная коммуникация теперь может осуществляться не только в форме личного участия лицом-к-лицу, но и видеоформате в рамках

виртуального публичного пространства. Здесь коммуникативная практика (в основном – в электронных социальных сетях) может рассматриваться в зависимости от того, как в различных речевых коллективах (веб-сообществах) используются возможности компьютерно-опосредованной коммуникации. Этот вид коммуникации всегда осуществляется в цифровом виртуальном пространстве, доступ к которому определен возможностями технологического формата и интерфейса – дизайном программы, представляющим набор стандартных операций для взаимодействия человека с техникой при создании и преобразовании контента.

При этом определяющими считаются такие особенности компьютерно-опосредованной коммуникации, как мультимедийность (использование нескольких способов кодирования информации в тексте в разных регистрах – как последовательности слов, комбинации изображений, сочетания звуков), гипертекстуальность (возможность выстраивания взаимосвязи фрагментов текста и ссылок между ними в произвольном порядке), интерактивность (способность адресата активно влиять на содержание и внешний вид компьютерной программы или электронных ресурсов), асинхронность (несовпадение режимов письма и чтения медиатекстов) и др. [4]. В условиях компьютерно-опосредованной коммуникации новые медиа выступают как «невидимые экраны»: они задают условия взаимодействия и устанавливают упомянутую ранее перегородку-мембрану, хотя и пытаются имитировать ее отсутствие. В виртуальном пространстве электронных медиа проблема дистанции снимается за счет применения специальных онлайн-сервисов, позволяющих увидеть друг друга в режиме реального времени и общаться так, как если бы это происходило при непосредственном участии собеседников в межличностном взаимодействии. За счет технологии визуальной трансляции в сетевых мессенджерах и видеохостингах возникает иллюзия полноценного присутствия собеседника прямо «здесь и сейчас», на расстоянии вытянутой руки, что снимает проблему отчуждения в условиях карантина и самоизоляции.

Дистанция как разделение скрадывается иллюзией прозрачности, очевидности демонстрируемых и ретранслируемых способов самопрезентации участников общения в сети. Здесь реализуется практически полная доступность и транспарентность в рамках двусторонней связи, хотя формат участия предполагает явное преимущество адресанта – он вправе выбирать инструменты коммуникации и режим общения с собеседниками (одним или несколькими). У них создается ощущение открытых возможностей в процессе обмена сообщениями, однако сами они выступают лишь в роли статистов в этом спектакле одного актера – владельца аккаунта, блога или канала. Именно он выбирает правила игры, а остальные вынуждены ему подчиняться. Однако такая выгодная позиция может сыграть с ним злую шутку, позволяя настолько расслабиться, что возникает соблазн забыть об условностях и вести себя слишком откровенно, как будто общение происходит тет-а-тет, без видеотрансляции в виртуальном публичном пространстве. Тем самым симуляция близости и доверия вызывает стремление к еще большей откровенности и интиму, поскольку грань между публичной и приватной сферами оказалась практически размыта. В такой ситуации обитатели уютного мирка персональных жилищ утратили бдительность, выставляя себя перед всеми интернет-пользователями «в чем мать родила». И поскольку журналисты или блогеры теперь часто пользуются преимуществами работы в режиме «удаленки», осуществляя видеотрансляции прямо из дома, то нередко

зрителям приоткрываются некоторые интимные детали личной жизни, когда в кадр случайно попадают дети, домашние питомцы, полу- или совсем обнаженные люди и т. п.

С этим связан и ряд интернет-активностей и инициатив, которые приобрели невиданный размах в условиях пандемии. Речь идет о различных видах нетмобов (сетевых флеш-мобов) и челленджей, позволяющих обеспечить возможность самовыражения их участникам в условиях дистанцирования и безопасности, причем в форме весьма фривольного и даже откровенно провокативного поведения – демонстративного выставления напоказ своих прелестей, едва прикрытых некоторыми предметами вместо одежды, своего рода «фиговыми листками» (коллективные сетевые акции #подушкачеллендж, #ShoppingBagchallenge, «ИЗОизоляция», «Мисс Карантини» и пр.). Так, в акции #подушкачеллендж пользователи примеряют на голое тело подушку, пристегнув ее к себе поясом или ремнем и принимая такую позу, чтобы при фотографировании казалось, будто это предмет гардероба, часть одежды (например, платье). Вместо подушки могут использоваться и другие предметы интерьера, а в челлендже #ShoppingBagchallenge – упаковка, пакеты и бумажные сумки для покупок. Участницы «Мисс Карантини» примеряют на себя вместо бикини медицинские маски, едва прикрывая интимные части тела и делают селфи, провоцируя многочисленные дискуссии среди интернет-публики неоднозначностью такого имиджа. В «ИЗОизоляции» пользователи выкладывают в сеть свои фотографии, выполненные в стиле некоторых известных произведений живописи (таких, как «Девушка с персиком») [5].

В таких случаях осуществляется поиск себя через Другого (или другой образ). Манипуляции с предметами домашнего интерьера, одеждой, телом, внешностью являются частью экспериментов с имиджем в попытке сборки и пересборки персональной идентичности – например, обращения к себе в прошлом для сравнения с собой нынешней (британки на карантине одеваются в свои свадебные платья и выкладывают такие фотографии в сеть), смены роли в образе виртуального персонажа прошлого или выдуманного художником, примерки на себя предметов, для этого не приспособленных и пр. Все эти практики представляют собой не просто «изысканную блажь», но попытки поиска своих новых возможностей в условиях, когда прежняя роль/статус/идентичность ставятся под сомнение, подвергаются радикальным трансформациям и не позволяют сохранить прежний образ – и образ жизни прежде всего. Они помогают «разрядить обстановку», перенести опыт переживания негативной ситуации в другую плоскость, выработать иное отношение к происходящему. Смена функций привычных для нас вещей и вовлечение их в совсем другие сферы повседневности свидетельствуют о том, что происходят изменения самого онтологического статуса вещей, объектов потребления и удовольствия, которые в своих прежних качествах уже не могут соответствовать новым запросам своих владельцев. Но меняется не просто домашняя обстановка и предметы интерьера, окружающие человека и составляющие часть его личности – сама личность также подвергается изменениям, оказавшись в состоянии тревоги, смятения и неопределенности, лишаясь смысловых ориентиров или пересматривая их.

Такая «переоценка ценностей» может привести к серьезным изменениям в личной и общественной жизни. Так, китайские ученые оценили уровень взаимоотношений в семейных парах, находящихся на карантине в условиях жесткой изоляции в домашних условиях. Ситуация настолько ухудшилась, что

количество разводов стало критическим, а кризис семейных отношений заставляет исследователей ставить вопрос о существенной трансформации моногамных отношений и распаде института брака как такового[6]. У белорусов пока все не настолько серьезно, но это лишь потому, что мы не попали в условия жесткой изоляции при карантине [7]. В итоге традиционные устои, нравы и привычки поколеблены, а социальные институты и государственные структуры не дают гарантий и перспектив на будущее, так что для возвращения уверенности в завтрашнем дне приходится все переосмыслить в творческом духе – в том числе роль брака и семьи, нормы морали, условия солидарности с другими и отношение к ним, возможности самореализации и т.д.

Библиографические ссылки

1. Карпицкая Д. Медсестра из московской инфекционки: «Никогда так часто не смотрела в глаза» // Комсомольская правда в Беларуси. № 78 (5233).
2. Львов М.Р. Основы теории речи. М., 2000.
3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
4. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М., 2010.
5. ИЗОизоляция: опять женщины. Жанровые сценки и немного палаты №6 [Электронный ресурс] // – URL: https://zen.yandex.ru/media/tutelka_ulanova/izoizoliaciia-opiat-jensciny-janrovye-scenki-i-nemnogo-palaty-6--11-5e9a0f646647a20c3319063d (дата обращения: 15.05.2020)
6. Конец романтики. Что придет на смену браку и моногамии [Электронный ресурс] // – URL: [delfi.lv / LADY.TUT.BY](https://delfi.lv/LADY.TUT.BY) (дата обращения: 15.05.2020)
7. Песенко А. Пандемия и домашнее насилие. Что происходит в Беларуси? [Электронный ресурс] // URL: https://lady.tut.by/news/mylife/681976.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=relevant-news&utm_campaign=relevant-news (дата обращения: 15.05.2020).